

<sup>27</sup> Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 10. С. 176. А.Н. Афанасьев с чужих слов передает такие подробности происшедшего столкновения: «Граф Строганов и Бодянский предложили занести в протокол общества о причинах, по которым общество лишилось права собственной цензуры, на память будущему, но Шевырев с собратией подняли страшные крики: “Зачем мараф перед потомством министра”» (ГА РФ, ф. 279, оп. 1, д. 1059, л. 28).

<sup>28</sup> РГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 176, л. 28 об.

<sup>29</sup> Протокол заседания 27 ноября 1848 г. // Временник ОИДР. М., 1849. Кн. 1. С. 1.

<sup>30</sup> Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 10. С. 176–177; РГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 176, л. 31.

<sup>31</sup> РГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 176, л. 41–42.

<sup>32</sup> Там же, л. 42.

<sup>33</sup> Протоколы заседаний 29 марта и 8 июня 1857 г. // ЧОИДР. 1858. Кн. 1. С. 140–141, 143; Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. Vydal V.A. Francev. I. Vzájemné dopisy P.J. Šafaříka s ruskými ušenci (1825–1861). Čast I. Praha, 1927. S. 200.

© 2009 г. М.Е. ПРОСКУРЯКОВА \*

## ВОЕННЫЕ ГОСПИТАЛИ ВЫБОРГСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ПЕРИОД РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ 1741–1743 годов

В первые десятилетия XVIII в. крепости Выборг и Кексгольм, защищавшие подступы к Петербургу, имели для России чрезвычайную важность. В 1710-е гг. здесь были расквартированы значительные воинские контингенты<sup>1</sup>. Судя по спискам личного состава местных гарнизонных частей, на протяжении 1720–1730-х гг. Россия продолжала наращивать свое военное присутствие в регионе, доводя состав расквартированных в нем войск до численности, предписывавшейся штатами<sup>2</sup>. Это должно было обеспечить позиции империи на финляндской границе в случае новой войны со Швецией. Тем не менее, до сих пор остается не вполне ясным, насколько пограничные крепости на северо-западе России были готовы к войне. О гарнизонах первой половины XVIII в. вообще известно очень мало<sup>3</sup>. Лишь отдельные отечественные исследователи, в основном работавшие еще до революции, уделяли внимание гарнизонным войскам, а их медицинское обеспечение не рассматривалось вовсе<sup>4</sup>. Историков, изучавших организацию российских военно-медицинских учреждений интересовали прежде всего крупнейшие госпитали в Москве, Санкт-Петербурге и Кронштадте<sup>5</sup>. Исключение составляет лишь работа Я.А. Чистовича, посвященная медицинскому обслуживанию Кизлярского гарнизона<sup>6</sup>. Следует подчеркнуть, что исследование состояния госпиталей пограничных крепостей важно не только для освещения подготовки России к войне со Швецией, но и для лучшего понимания условий военной службы в первой половине XVIII в.

Первым шагом к открытию госпиталя в Выборге стала инспекция крепости в июне 1738 г. майором лейб-гвардии Преображенского полка И.И. Албрехтом, обратившим особое внимание на необходимость улучшения здесь условий содержания и лечения военнослужащих<sup>7</sup>. 1 июля 1738 г. был издан императорский указ, повелевавший «больных в Выборгских лазаретах салдат пищею, тако же вином, пивом и прочим, что потребно до времени довольствоваться ... во всем против того ж, как при Санкт-Петербуржском и Рижском лазаретах определено»<sup>8</sup>. Отныне Выборгский лазарет должен был содержаться по нормам «Регламента о управлении Адмиралтейства

---

\* **Проскурякова Мария Евгеньевна**, сотрудник Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии Петрозаводского государственного университета.

и Верфи» 5 апреля 1722 г.<sup>9</sup> Однако и после издания указа ситуация практически не изменилась. Вплоть до весны 1739 г. между А.И. Ушаковым, осуществлявшим тогда высшее командование Остзейскими гарнизонными полками, и Военной коллегией велась переписка об организации медицинского обслуживания в Выборгских лазаретах<sup>10</sup>.

Между тем количество заболевших среди личного состава Выборгского и Кексгольмского гарнизонов неуклонно возрастало. Если в феврале 1739 г. в гарнизонных полках Выборга и Кексгольма числилось больными 618 нижних чинов (из них 457 в Выборге и 161 в Кексгольме), то к 1 апреля их насчитывалось уже 700 (соответственно – 525 и 175 человек)<sup>11</sup>. Причем в Выборгском гарнизоне, численность которого в 1739 г. составляла 4 032 солдата и офицера, был болен каждый восьмой военнотрудовой<sup>12</sup>. Естественно, это не могло способствовать успешному выполнению задач, стоявших перед крепостью. Так, 11 апреля 1739 г. инженер-капитан И. Мозовский доносил из Выборга в Фортификационную контору, что к строительным работам «ныне от полков Выборгского гарнизона рядовых и мастеровых за одержанием болезнями не более как 687 человек командуетца, а ежели и по наступлении будущего летнего времени работных людей по тому ж числу или хотя и более определятца в работу будет, то оными ко исправлению об[ъ]явленных всех работ обнять будет никак невозможно»<sup>13</sup>. По-видимому, именно необходимость продолжения ремонта крепостных сооружений ускорила принятие окончательного решения о правилах содержания Выборгских лазаретов.

25 мая 1739 г., спустя почти год после первого распоряжения о правилах содержания больных Выборгского и Кексгольмского гарнизонов, оно было подтверждено новым указом и приказанием начать в Выборге строительство госпитальных поварен, погребов и бань, а также изготовить необходимую посуду. В то же время в указе 25 мая особо оговаривалось: «Излишняго строения и протчаго приготовления, чтоб казенного убытку не было, отнюд[ь] не чинить»<sup>14</sup>. 20 июня 1739 г. Обер-цалмейстерская контора послала в Выборг 1 тыс. руб. «для содержания госпитальных поварен и прочего»<sup>15</sup>. Еще до появления указа Выборгскую провинцию вновь посетил Албрехт, осмотревший крепости и известивший Военную коллегию о плохом состоянии кексгольмских лазаретов. 27 мая 1739 г. последовало предписание начать в Кексгольме строительство госпиталя и содержать там больных на тех же условиях, что и в Выборге<sup>16</sup>. Таким образом, к середине лета 1739 г. создание в крепостях Карельского перешейка военных госпитальных учреждений было законодательно оформлено и обеспечено средствами, необходимыми для начала строительства зданий. Тем не менее, предпринятые местными властями меры были малоэффективны.

В начале марта 1740 г. Выборг посетил главный доктор Санкт-Петербургского сухопутного госпиталя Н.Ф. Ангелерт, который провел осмотр пациентов Выборгского госпиталя и дал наставления местным лекарям. В его рапорте, поданном 10 марта, отмечалось, что в помещениях местного госпиталя была «великая теснота», хотя в это время там находилось менее 400 человек. После грандиозного пожара, случившегося в 1738 г., в Выборге еще не успели построить казармы. Кроме того, существовала «большая нужда» в госпитальных палатах для больных на случай увеличения их числа в связи с началом фортификационных работ и направлением в Выборгскую провинцию новых полков. Больничные палаты практически не проветривались, воздух в них стоял тяжелый, поскольку вместо лампад или ночников со свечой, полагававшихся на каждый покой, помещения освещались сильно дымившими лучинами (Ангелерт рекомендовал сделать в потолке каждой палаты «круглую дыру для выпускания духоты з закрышкою»). Хорошей питьевой водой больные также не обеспечивались. В то же время, недостатка в лекарствах в Выборге не ощущалось<sup>17</sup>.

Главной же проблемой являлась нехватка медицинского персонала. По закону, на 200 больных должны были приходиться 1 лекарь, 2 подлекаря и 4 лекарских ученика<sup>18</sup>. Судя по рапорту Ангелерта, в Выборгском госпитале забота о пациентах возлагалась на 3-х лекарей полков крепостного гарнизона<sup>19</sup>. В результате, как доносил в Воен-

**Численность больных, выздоровевших и умерших военнослужащих в Выборге весной 1742 г.\***

	Численность больных в апреле 1742 г.	Численность выздоровевших к началу мая 1742 г.	Численность умерших к началу мая 1742 г.
6 пехотных полков	2 968	876 (29 г.5%)	270 (9%)
3 гарнизонных полка	863	231 (27%)	97 (11%)
Всего	3 831	1 107 (29%)	367 (9.5%)

\* Составлено по: РГВИА, ф. 4, оп. 5, д. 3, л. 276–276 об.

ную коллегию обер-комендант Выборгской провинции генерал-майор В.В. Фермор, в апреле 1740 г. в Выборге каждый день умирало от 5 до 10 человек из 4-х расквартированных там полков (согласно штатам 1731 г., каждый гарнизонный пехотный полк насчитывал 1 296 человек)<sup>20</sup>.

Несмотря на столь высокую смертность, Фермор, вопреки императорскому указу, считал необходимым посылать на строительство и в «трудные» караулы и тех солдат, которые лишь недавно выздоровели. Обер-комендант подчеркивал, что от успешности фортификационных работ «при нынешних конюкторах зависит высокой ея императорского величества интерес»<sup>21</sup>. В соответствии же с законодательными нормами в течение месяца после окончания лечения выздоровевшие солдаты должны были надирать за больными и собирать лекарственные травы<sup>22</sup>.

Впрочем, отдельные меры для улучшения содержания больных все же предпринимались. К 16 июня 1740 г. Фермор нашел для госпиталя новое место, расположенное рядом с источниками ключевой воды и легко доступное как со стороны суши, так и с моря (ранее госпитальные казармы, по словам Фермора, были «близко к крепости и подле морского берегу, где всегда жестокие ветры бывают, и почти в середине непроходимого болота построены и zelo неспособны») <sup>23</sup>. Как следует из «Экстракта о содержании госпиталей» 1742 г., в 1740 г. старые выборгские лазареты перенесли к Карельскому мосту, построив при них погреба, поварни и прочие необходимые помещения<sup>24</sup>. В самом Выборге для больных солдат также были возведены 4 казармы «и между ими двой сени и две бани новые»<sup>25</sup>. В Кексгольме же госпиталь к тому времени так и не был построен<sup>26</sup>.

После начала войны со Швецией Выборгский госпиталь в силу своего приграничного положения и значительного увеличения в крепости воинского контингента стал рассматриваться как «самонужнейший»<sup>27</sup>. Согласно промемории, поступившей в мае 1742 г. в Военную коллегию, в апреле в 9-ти полках, расквартированных в Выборге, числилось больными 3 831 человек, из которых к началу мая выздоровело только 29%, а скончалось почти 10% (см. табл.).

Данная ситуация рассматривалась Медицинской канцелярией как «весьма чрезвычайная»<sup>28</sup>. Тем не менее, в мае 1742 г. число больных в Выборге еще более возросло. Ежедневно умирало от 15 до 20 человек<sup>29</sup>. Как отмечалось 22 июня 1742 г. в промемории Медицинской канцелярии, в мае в каждом расположенном в Выборге полку насчитывалось от 400 до 600 больных, и каждый день их число увеличивалось на 40–70 человек<sup>30</sup>. В госпитале при этом, по данным рапорта генерал-фельдмаршала гр. П.П. фон Лесси, находилось всего 2 лекаря и 2 подлекаря<sup>31</sup>.

Однако основную причину заболеваний командование видело в особенностях воздуха и в плохом качестве питьевой воды<sup>32</sup>. В связи с этим, в конце июня 1742 г. больных решили разместить вне Выборга – в разоренной в ходе военных действий деревне Кендапелде, находившейся вблизи от Мулы мызы (в 40 верстах от Выборга)<sup>33</sup>. Ретраншамент, расположенный при Муле мызе, обеспечивал лазарету хорошую защиту, а выделенный для него участок земли располагался около леса и не был заболочен<sup>34</sup>. 22 июня Лесси приказал, «чтоб от армии всех болных оставлять в показанном

месте и чтоб оных довольствовать всякими потребностями так же пищею и питьем по регламенту, да и потребные маркетанты туда направляются»<sup>35</sup>. Для размещения больных и раненых солдат предполагалось починить те несколько дворов, которые сохранились в Кендапелде, а также построить хорошие крытые шалаши «и в них поделат[ь] скамей, дабы болные не могли на полу лежать, а к постелям в ретранжементе у Мулле мызы доволние число соломы приуготовлено и к тому употреблено будет»<sup>36</sup>. Лекари и медикаменты были посланы туда из Выборга<sup>37</sup>.

По окончании военных действий лазарет близ Мулы мызы прекратил свое существование. Выборгский же госпиталь, учрежденный указами Анны Иоанновны в ходе подготовки к войне со Швецией, был сохранен для оказания медицинской помощи солдатам и офицерам местных гарнизонных полков<sup>38</sup>.

## Примечания

<sup>1</sup> ПСЗ-1. Т. 5. № 3380. С. 701–703; *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 88; *Ranta R. Viipurin komendanttikunta. 1710–1721: valtaus, hallinto ja oikeudenhoito.* Helsinki, 1987. С. 157–171; *Мышлаевский А.З.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. Материалы для истории военного искусства в России. СПб., 1896. С. 26.

<sup>2</sup> РГВИА, ф. 412, оп. 1, д. 43, л. 70, 92, 111, 154–158 об.; ф. 9, оп. 2, д. 75, л. 248–257 об., 443–446, 666–671 об., 673; д. 76, л. 47–54, 159–167, 239, 253–260, 340–343, 407–413, 574–580, 666–672 об., 760–767.

<sup>3</sup> *Анисимов Н.В., Зиневич А.К.* История русской армии. Эпоха Петра Великого 1699–1762. Чугуев, 1911; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958; *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 133–171; *Соловьев Н.И.* Исторические очерки устройства и довольствия русских войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). Вып. I. СПб., 1900.

<sup>4</sup> *Мышлаевский А.З.* Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. Извлечение из современного отчета Киевской губернии. СПб., 1897; Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (Документы Государственного архива) // Сборник Военно-исторических материалов. Вып. 5. СПб., 1893. С. XXII–XXIV.

<sup>5</sup> *Алелеков А.Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летию его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907; *Андреева В.И.* «Военная гофшпиталь» // Лефортово далекое и близкое. М., 1996. С. 193–218; История Кронштадтского госпиталя. К 250-летию со дня основания. Л., 1967; *Крупчицкий А.М.* Первенец русской медицины. М., 1958; *Семека С.А.* Военно-медицинская организация вооруженных сил Российской дворянской империи XVIII века во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. М., 1955.

<sup>6</sup> *Чистович Я.А.* Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870. С. 19–41.

<sup>7</sup> РГАДА, ф. 177, оп. 1, д. 83.

<sup>8</sup> РГВИА, ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 136–136 об.

<sup>9</sup> Именно в соответствии с требованиями Адмиралтейского регламента функционировали военно-медицинские заведения Санкт-Петербурга и Риги, равно как и все прочие генеральные и полковые госпитали. См.: РГВИА, ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 140; *Крупчицкий А.М.* Указ. соч. С. 18.

<sup>10</sup> Там же, ф. 17, оп. 1, св. 20, л. 288–288 об.; ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 139, 143–145.

<sup>11</sup> Там же, л. 145–146.

<sup>12</sup> Там же, ф. 9, оп. 2, д. 69, л. 302–304.

<sup>13</sup> РГАДА, ф. 248, оп. 8, д. 459, л. 1084.

<sup>14</sup> РГВИА, ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 147.

<sup>15</sup> Там же, л. 151–151 об.

<sup>16</sup> Там же, л. 152.

<sup>17</sup> Там же, л. 162.

<sup>18</sup> *Крупчицкий А.М.* Указ. соч. С. 18.

<sup>19</sup> РГВИА, ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 163.

<sup>20</sup> Там же, л. 185; *Соловьев Н.И.* Указ. соч. С. 55.

<sup>21</sup> РГВИА, ф. 19, оп. 1, д. 798, л. 218.

- <sup>22</sup> Там же, л. 218,  
<sup>23</sup> Там же, л. 222 об., 225.  
<sup>24</sup> Там же, ф. 4, оп. 5, д. 3, л. 604.  
<sup>25</sup> Там же, л. 604.  
<sup>26</sup> Там же, л. 604 об.  
<sup>27</sup> Там же, л. 279.  
<sup>28</sup> Там же, л. 276 об.  
<sup>29</sup> Там же, л. 313.  
<sup>30</sup> Там же, л. 314.  
<sup>31</sup> Там же, л. 317.  
<sup>32</sup> Там же, л. 313.  
<sup>33</sup> Там же.  
<sup>34</sup> Там же.  
<sup>35</sup> Там же, л. 313 об.  
<sup>36</sup> Там же, л. 314 об.  
<sup>37</sup> Там же.  
<sup>38</sup> Там же, д. 4, л. 976.